

18+

Инна Ковалёва

История одной встречи

Инна Ковалёва

История одной встречи

«Издательские решения»

Ковалёва И.

История одной встречи / И. Ковалёва — «Издательские решения»,

У каждого из нас, детей, рожденных на смене эпох, путь складывался не лёгким. Детство, словно прозрачная утренняя роса — светлое и беззаботное. Юность, развеявшая хрупкие детские иллюзии. И годы взросления, в которых первые шаги происходят через поиск опоры, затем ориентиров, а потом уже к сокровенному обретению себя. Но самое главное, в памяти остаются — тепло каждого дня, благодарность людям, разделившим этот путь и тот светлый лучик, который начинает светить в нас с момента нашего рождения.

© Ковалёва И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Как делаются взрослые	7
История одной встречи	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

История одной встречи

Инна Ковалёва

© Инна Ковалёва, 2026

ISBN 978-5-0069-8542-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У каждого человека в жизни, происходит такой день, который может разделить жизнь на «до и после». И он может оказаться обычным, совсем не примечательным днём, но будет в нем что-то такое, что подвигнет на какой-то очень решительный шаг. И в моей жизни такой день случился... Я вдруг подумала, а что если записать всё то, что накопилось в душе за двадцать лет? Не список великих достижений и горестных провалов, а просто мысли, которые будили по ночам, шептали на ходу, заставляя остановиться и смотреть вокруг по-новому.

Такая, своего рода, карта души, проложенная через годы взросления.

Нежное детство и юность, разбившая все детские иллюзии. Первые моменты взросления, в которых начинаешь совершать ошибки, впоследствии считая их для себя роковыми, но которые принесут за собой твердое понимание, что каждый сделанный выбор — он только твой. Каждое последствие выбора, оно тоже только твоё. И есть еще в этом третье и самое главное — светлая Сила, которая всегда находится рядом с тобой и каждую твою совершённую ошибку удивительным образом, превращает в логично сложенную цепочку, которая ведёт к чему-то очень доброму.

Обретение профессии через терпение мудрого наставника, который появляется в жизни именно в тот момент, когда так необходим. И понимание, что ремесло для человека может оказаться главным зеркалом, в котором увидишь свои сильные и слабые стороны.

Поиск смысла бытия в великих идеях, книгах, фильмах, философских концепциях. И случайное озарение, что этот смысл находится гораздо ближе: в глазах людей, в улыбке близкого, в ощущении тепла рук отца, даже когда его уже нет рядом. В нежных воспоминаниях и случайных встречах.

И огромная благодарность Богу за то, что ведет путями, которые невозможно предугадать и которые оказываются самыми правильными.

Пролог

Я проснулась в тишине, вдали от дома, вдали от родных и близких мне людей и все, что я слышала, это тишину — тишину наполняющую, поглощающую, наступающую большими тяжелыми шагами и оседающую на стены, мебель, подоконник, везде... В голове, как грустная мелодия, крутилась мысль: «Почему снова он... Почему я вновь его увидела?»

За окном, раннее апрельское утро. Пасмурно, прохладно, воздух будто застыл в ожидании чего-то. Это утро казалось странным, непохожим на все предыдущие: словно сама атмосфера кругом изменилась, стала прозрачной, хрупкой, обнажающей.

Налив стакан воды, я села у окна, обхватив его ладонями, и сделав несколько глотков, окинула взором просторную кухню. Вода была прохладной, освежающей. В груди разрасталось ощущение, будто многое ушло из моей жизни... ушло безвозвратно. Теперь я здесь, у меня тишина и почти чистый лист. Вот так случилось... в 38 лет.

И этот сон, который увидела ночью. Впервые за четыре года, как папы не стало в моей жизни, увидела его во сне. Всё в том же коричневом костюме, в большой аудитории, он сидел за широким столом, предназначенным для членов преподавательской комиссии, и слушал приглашенного спикера для студентов, а я подошла к нему тихонько и говорю: «Пап, чего он несёт?». А папа, в сё с той же доброй и легкой улыбкой произнёс мягким голосом, привычную мне фразу: «Доча, ну что я могу тебе сказать...»

Четыре года, срок который должен был что-то изменить, залечить, притупить боль. Но я до сих пор не могу осознать, что его больше нет. Что больше нет рядом того, кто всегда находил понятные ответы на мои бесконечные глупые, необъяснимые философские вопросы. Кто умел одним словом подбодрить, придать сил и уверенности в себе, когда мир казался слишком тяжёлым и не справедливым.

Нет того, кто знал тебя лучше всех на свете, принимал и любил, по-настоящему, просто и без притворств. И чем дальше течёт время, тем острее ощущается утрата, самая дорогая утрата в жизни.

Ох, этот сон. Папа и еще Он — мой добрый друг юности. Тот, кого я не видела более 20ти лет. Мы были знакомы всего несколько месяцев — короткая вспышка в стремительно текущем потоке времени. Но вот уже двадцать лет прошло с нашей последней встречи, а я продолжаю его вспоминать. И каждый раз эти воспоминания и мысли приходят так неожиданно, не спрашивая, готовая ли я вновь их принять. И в такие моменты воспоминаний понимаешь, что время — вовсе не прямая линия, а спираль, которая возвращает периодически к тем, кто когда-то был рядом, пусть даже мысленно. К тем, чьи голоса нежной мелодией до сих пор звучат где-то внутри.

Я сделала еще один глоток воды. За окном медленно светало. Апрельское утро, такое странное и непривычное, будто подбрасывает знак, что воспоминания — не груз, а часть меня. И, может быть, именно в них можно отыскать ключ к тому, куда двигаться дальше.

Как делаются взрослые

В широкой школьной аудитории было душно и шумно — голоса, скрежет отодвигаемых массивных стульев с металлическими тяжелыми ножками, обрывки смешков и перешёптываний сливались в единый, осязаемый давящий шум. Воздух казался тяжелым, пропитанным усталостью дня и запахом пота подростков, собравшихся в этой аудитории после школьных уроков на предмет изучения истории России для вступительных экзаменов.

За большими массивными шторами, висевшими на окнах виднелось, как предательски садится солнце за горизонт, поглощая и без того пасмурную атмосферу во мглу.

Я не должна была тут оказаться, внутренний душевный дискомфорт давил со всех сторон и хотелось тихонько встать и выйти из аудитории бесшумно, как привидение и раствориться во мраке тихого незнакомого школьного коридора...

Ровно год назад я училась в десятом классе. В одном из тёплых летних дней, мы сидели с мамой за большим массивным дубовым столом, заваленным её рабочими документами, и на небольшом свободном пространстве удивительно чистой белой скатерти пили чай. За окном, над широкими улицами Ташкента, ярко светило палящее солнце, нежно пропуская свои падающие лучи сквозь густые кроны деревьев, на которых звонкой песней щебетали птицы.

Это был наш маленький домашний совет с обсуждением моего будущего, на котором совместно было принято решение, что я буду поступать в Российский университет и, вероятнее всего, на юриспруденцию.

Мама говорила уверенно, будто уже видела меня в строгом взрослом костюме с папкой документов в руках и уверенным взглядом. А я кивала, но внутри все сжималось, потому что та маленькая доля сомнения, которая таилась в глубинах подсознания, разрушала всю мою уверенность в исполнении этих грандиозных планов.

Слишком много в этой беседе было «если», слишком много «вдруг»...

Через русский культурный центр удалось узнать, что в городе есть преподавательский состав, который помогает подросткам-абитуриентам изучать в ускоренном режиме предметы российской школьной программы для вступительных экзаменов. Подготовка была рассчитана на два года, и я благополучно попала на эти подготовительные курсы.

Однако, моё обучение продлилось не долго, несколько месяцев посещений и я узнала о том, что родители потеряли возможность оплачивать контрактную основу занятий. С досадой, приняв реальность, в моей жизни остались только школьные уроки и редкие вечерние прогулки с друзьями, которые были позволены, исключительно, в дни школьных каникул.

Через год история повторилась. Одиннадцатый класс, меня нужно было куда-то «запихивать» после школы, потому что ученицей я была далеко не выдающейся. Оценки — средние, интересы уже размытые, а мотивация нулевая. Мне было скучно в школе. Скучно учить предметы, о полезности которых нам не рассказывали. Скучно сидеть за партой, слушая монотонный голос учителя, который сам не верил в то, о чём говорит. Скучно посещать школу, в которой с первых дней я была для многих и для себя чужой...

Мы жили в тихом новом районе на окраине города. Сейчас такие районы называют ЖК «...», и чем дальше они от центра города, тем благоприятнее считается экология района. Но буквально тридцать лет назад все было иначе, чем дальше от центра, тем менее престижным считался район, тем больше в нем было ощущений тревоги и неопределённости.

Впоследствии, уже во взрослом возрасте, когда родителей не станет, перебирая домашние архивы, я случайно узнаю, что наша квартира была приобретена папой в ипотеку, путем расширения имеющейся у него жилплощади с однокомнатной квартиры на трехкомнатную, с доплатой от банка. Он исправно вносил платежи, а после развала Советского Союза еще и участвовал в программе приватизации, оплачивая установленную сумму за собственную квартиру. Не так уж всё «сахарно» было в советское время, за фасадом кажущейся стабильности скрывались и свои трудности, и свои обязательства.

Но жили мы прекрасно. Так мне казалось тогда, маленькой девочке с двумя большими белыми бантиками на хвостиках и в голубом платьице с белым фартучком, сшитым мамой. Фартучек этот был украшен рюшечками. Я запомнила его как самый красивый и до сих пор почему-то уверена, что он действительно был самым нарядным среди всех белых фартучков в школе.

Учились мы, малыши, во вторую смену, и каждый поход в школу был целым волшебным приключением. Всё потому, что у меня была замечательная подруга, и по дороге мы придумывали себе целые миры. В дождливые дни мы шлепали по самым глубоким лужам, представляя, как из этой пучины каждую из нас спасают самые прекрасные принцы планеты. В солнечные тёплые весенние деньки собирали по дороге ароматные фиалки.

Так продолжалось до моего третьего класса, пока в один из тусклых осенних вечеров все не изменилось в одно мгновение.

Назойливый дождь стучал в окно частой дробью, а в комнате горел торшер с белым абажуром, который отбрасывал на стены мягкие круги света, в которых, если приглядеться, можно было увидеть, как изящно танцуют пылинки.

Мы с сестрой занимались своими привычными вечерними делами, я рисовала, а сестра читала книгу. Мама вошла в комнату и с бледным волнительным лицом произнесла:

— Девочки, одевайтесь, мы с вами сейчас уходим.

Я не поняла. Не смогла понять. Не сумела. Дальше уничтожающий шум в ушах и туман перед глазами.

Мама с моей старшей сестрой вышли на лестничную клетку, а я осталась стоять в прихожей, прячась за папины штаны. А потом дверь захлопнулась, тяжёлая, массивная, которую я так и не научилась открывать самостоятельно. И папин громкий голос:

— Инна, останется со мной.

Я вздрогнула и, не помня себя, роняя огромные капли слёз, бросилась в родительскую спальню, родную, самую большую в квартире, где я проводила большую часть своего детства. Здесь всё было таким любимым и родным...

Огромное зеркало, шкафа купе, до самого потолка. Сколько часов я провела перед ним, примеряя мамины юбки и платья, в её отсутствие. Мне казалось, что их бесчисленное множество — пышных, длинных, цветных и даже в золоте. Я крутилась перед зеркалом, представляя себя то принцессой, то артисткой, то учительницей, то, на худой конец, мамой.

Напротив огромной кровати висела репродукция картины И. К. Айвазовского «Рыбаки на берегу моря» в резной раме с бронзовым отливом. Я так любила её разглядывать — волны, бьющиеся о скалы, парус вдалеке, фигурки рыбаков и это море, живое волнительное море...

И огромная родительская кровать с высоким изголовьем... сколько счастливых часов я провела на ней с родителями! Папа рассказывал смешные истории, доводя меня до хохота так, что я каталась по гладкому покрывалу, падая на пол, а мама смеялась вместе с нами, иногда шутливо грозя папе пальцем с добрым замечанием: «Перестань, она и так разбалованная!»

А однажды, в новогоднюю ночь папа для меня устроил такую сценку, что я на много лет безоговорочно поверила в существование Деда Мороза. Он «выследил» волшебника, позвал меня, указал рукой на набитые колготки каким-то большим пакетом, которые я оставила на кровати для подарка и с удивленным возгласом: «Доча, смотри!» помчался к приоткрытому

окну, будто хватаясь по дороге за подол длинного синего пальто дедушки, ускользающего от него на лету. Я так поверила в происходящее, что мое воображение нарисовало за окном невероятной красоты сани, в которые были запряжены белые кони. Сложно вспомнить, сколько лет потом я буду видеть перед глазами эту «картину» и рассказывать друзьям взахлеб, что это было, что он действительно существует, настоящий, волшебный, красивый и я его видела.

И вот теперь все это, уже воспоминания, сокровища в сундуке, крышка которого с не приятным скрипом закрывалась. Я стояла посреди комнаты, вслушиваясь в тишину, которую нарушал только лишь стук дождя за окном по подоконнику и плакала. Мир рушится на глазах. Девочка десяти лет. Почему папа не хочет отдавать меня маме и почему мама хочет забрать меня у папы?...

Я медленно подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз на тёмный двор. Где-то там, на лестничной клетке, меня ждали мама и сестра. И где-то там ждала новая жизнь — непонятная, пугающая и совершенно незнакомая. В такой сложившейся ситуации, тебя не спросят — с кем ты хочешь жить. С папой или с мамой. Да и ты, будучи ребенком, не ответишь никогда на этот вопрос. Дети умеют любить одинаково и маму и папу, несмотря на то, что взрослые очень любят произносить ревностные фразы «папина» или «мамина» дочка. *Взрослые вообще очень любят ревность, ведь, этим чувством многое можно легко объяснить, не прилагая никаких усилий для того, чтобы что-то в себе изменить к лучшему.*

Конечно, все душевно раздирающие ситуации рано или поздно заканчиваются и наступают новые будни, в которых люди, не важно, взрослые или маленькие люди, учатся жить заново, подстраиваться под изменившиеся обстоятельства, привыкать к новому укладу.

Мои новые будни начались в новой школе. Центральной, модной, одной среди известных школ в городе. Она предназначалась мне по прописке в новой квартире, и я неизбежно была туда устроена.

Когда я впервые переступила её порог, я поняла, что родной она мне не станет. Огромное здание с длинными коридорами-лабиринтами, шум, стук каблучков старшеклассников по мраморному полу, едва улавливаемый запах чистого бассейна и директриса, женщина с удивительно пустым взглядом и огромным черным начесом на голове в виде большого гнезда, казалось, предназначенного для самой огромной птицы, какую можно только себе представить.

Новая школа очень быстро подарила мне горькое понимание, что люди не могут быть равны. Они делятся по классовой принадлежности и среди подростков, чаще всего, это наиболее остро ощущается.

Однако, пришла ко мне и первая мудрость, которая очень пригодится потом в жизни. Первое правильное понимание реальности, потеря иллюзий полученных в детских сказках о спасении принцессы из лужи прекрасным принцем. Чтобы принц тебя спас, надо действительно быть, а не казаться принцессой...

...А потом, если ты принцесса и ты, вдруг, оказалась в луже, зачем тебе спасение от принца? У тебя на это есть отец — Король. А если твой отец — Король, как же ты оказалась в луже? Неужели, между прогулками от одного салона в другой, ты вдруг попросила своего водителя: «Слушай, Серёж, а давай-ка ты меня заведи в лужу, пусть меня кто-нибудь спасет..., ну там, папа или принц какой...» Странно, правда?

Или, например, если ты принц, неужели ты, между совещаниями попросишь своего водителя: «Послушай-ка, Серёж, давай заедем в какую-нибудь лужу, там замарашку одну надо спасти, да и жениться успеть по дороге» И Серёга, без вопросительного выражения на лице, услышав такую просьбу, поедет напрямик в какую-то ближайшую лужу...

Мораль такова, сказки нужно было читать внимательнее.

...А потом, если ты не принцесса, то ты можешь попробовать ею стать, например, о чем-то мечтать, много работать и к чему-то стремиться. Но тут, к сожалению, провал в этом понимании будет ожидать только в будущем. Много работая, ты не становишься принцессой, а становишься женщиной, которая начинает понимать, гораздо больше, чем она могла себе представить и тогда ей, именно, с принцами становится невероятно скучно и эти персонажи полностью теряют всяческую привлекательность...

...С первыми пониманиями правды жизни, пришла и первая внутренняя апатия. Пропало желание учиться, посещать уроки, общаться с одноклассниками. В классе царили свои правила, интересные ребята и девочки, с которыми хотелось дружить, вдруг, стали разъезжаться в иммиграцию. Лица менялись с такой частотой, что с трудом стали запоминаться имена. Объяснять маме свое внутреннее состояние я не могла, мы не были на столько близки, чтобы говорить о чувствах. Папа был занят своей болью. Болью потери семьи. Мужчины такие потери переносят гораздо тяжелее, чем женщины.

...Женщины, к сожалению, по своей природе, очень склонны к разрушению...

А мне, в этой сложившейся ситуации, понять самостоятельно, что со мной происходит, было очень сложно. Вряд ли, подросток способен правильно анализировать происходящее вокруг. И я стала стараться подстраиваться под предложенные обстоятельства так, как сумела.

Училась средненько. При природной способности понимать любой предмет без зубрежки я наотрез отказывалась выполнять школьные домашние задания. Когда ситуация накалялась до предела, за несколько дней выучивала пропущенный материал и подтягивала оценки с двоек на четвёрки. Чтобы заполнить внутреннюю пустоту, нашла себе кучу кружков, которые стали для меня небольшими островками, где я могла быть собой, не оглядываясь на чужие ожидания.

Художественная школа стала для меня первым убежищем. Здесь, среди запахов масляных красок и терпкого лака, я забывала обо всем. Преподаватель был очень строгим, но справедливым мужчиной с вечно перепачканными пальцами. Однажды я услышала от него фразу, которую вспомню через много-много лет, как одну из самых вдохновляющих: «У тебя есть чувство формы и цвета — это не каждому дано». Я помню, как его самая маленькая похвала согревала, предавала уверенности. Я часами сидела перед мольбертом, смешивала краски, искала оттенки, вырисовывая тени с натуры. В такие моменты мир вокруг переставал существовать. Рисование стало не просто занятием, а способом выразить то, что не получалось говорить словами.

Дальше был греческий культурный центр, где можно было посещать уроки вокала. Группа была небольшой, а вела ее солистка одной из популярных в те годы групп, девушка с невероятно сильным голосом и заразной харизмой. Она учила нас не просто петь, а чувствовать музыку, передавать все свои внутренние эмоции через звук. Помню, как у меня дрожали колени перед первым выступлением, как перехватывало дыхание перед выходом на сцену. Но стоило услышать первые ноты народной песни, которую мы разучивали, страх исчезал, и на сцене появлялась кучка улыбающихся смешных подростков в нарядных костюмах, распеваящих с диким акцентом весёлую песню на греческом языке.

Но больше всего я полюбила еврейский культурный центр. Там я встретила новых прекрасных друзей, таких же мечтательных, ищущих свой комфорт в этом не понятном для нас подростковом возрасте. Мы вместе праздновали национальные праздники: зажигали свечи на Хануку, пекли Мацу к Песаху, слушали различные интересные истории и народные песни. В театральных кружках мы ставили небольшие спектакли, такие порой наивные, но очень искренние, смешные и трогательные. А однажды, мы решили организовать свою «фабрику звёзд», песенный конкурс среди похожих культурных центров. Идея родилась спонтанно и очень быстро получила положительную поддержку среди нашего руководства. Я долго сомневалась, стоит ли мне принять участие, ведь, музыкального слуха у меня так и не появилось,

несмотря на долгие занятия вокалом. Друзья убедили, что подберут мне хорошего бэк-вокалиста, а члены жюри, принимающие решение при отборе участников, дали мне шанс побороться.

Один из наших друзей, парень с невероятно бархатным голосом предложил мне свою помощь и мы создали номер, в котором он вытянул всю песню, а я оттанцевала с уверенным видом открывая рот так, что часть зала аплодировали нам стоя. Когда объявляли призовые места, мое имя прозвучало при объявлении приза зрительских симпатий, и я не поверила своим ушам. Вручили памятную грамоту и глядя на нее, я поняла свою вторую мудрость для будущей жизни — успех, это не всегда талант, а это может оказаться невероятная внутренняя смелость, желание получить удовольствие от процесса, огромная работа, вера в себя и, конечно же, поддержка близких людей.

Оглядываясь на тот не простой период в своей жизни, где я барахталась, как умела в абсолютном внутреннем одиночестве, уже сейчас во взрослом возрасте, я задаюсь одним вопросом. А как же воспитание? Что на самом деле влияет на развитие человека, как личности? Воспитание или, всё же, что-то другое? Мы так часто слышим фразу «ну это воспитание такое...», или «какое же прекрасное воспитание...». Моим домашним воспитанием в самые трудные подростковые годы были запреты на прогулки, вовремя приготовленные обеды и ужины, и ежедневно звучащая фраза «Мамочка, спокойной ночи».

Маму я практически не видела, она работала, как мне тогда казалось, круглосуточно. Утром инженером в проектом институте, в обед отправлялась читать лекции студентам в ТашГТУ (Ташкентский технический университет), а вечерами шила на заказ. Да, и ещё командировки... Довольно часто случались у неё командировки, так как отдел, в котором она работала, занимался инженерными изысканиями на Чарвакской ГЭС. Это старейшая и крупнейшая гидроэлектростанция Узбекистана.

...Ответ на свой вопрос я найду, потом, спустя много лет, в одной книге, которая станет для меня не просто любимой, а книгой, которая окажет огромное влияние на мою жизнь...

И вот наступил десятый класс. Мои мечты о будущем вдруг неожиданно стали полностью разрушаться, ударяясь о суровую реальность.

Попробовать себя в дизайне мне не разрешили. «Не может девочка, родившаяся в семье преподавателей технического университета, имеющая предков с учёными степенями, посвящать свою жизнь глупым рисункам», — твёрдо говорила мама, добавляя задумчиво, — «Что это за профессия...»

У меня появлялись мысли о работе в прокуратуре, и я даже пробовала штудировать учебники, скупала сборники «Новых законов» и читала их, как самую интересную в мире литературу. А школьный предмет «Правоведение» закрывала досрочно и обижалась, что учитель освобождает меня от посещения его занятий в виду слишком быстрой успеваемости. Но и в этом направлении дома меня ждал неприятный сюрприз.

— Не имея связей в «органах», ты ничего не добьёшься и окажешься никем, — слышала я вскользь брошенные фразы, похожие на обсуждение прогноза погоды, а не моей судьбы.

В груди появлялась обида и непонимание, смешанное с отчаянием. Казалось, что все дороги, которые я выбираю, ведут к тупикам. Я медленно уходила в свою комнату, закрывала дверь и оказывалась в своем маленьком волшебном добром мире, который оберегал меня от всего, что было за его пределами.

Ох, этот мир... моя нежная комнатка юности. Словно остров, созданный из маминой любви и моих мечтаний, которые постепенно, день за днём, обретали очертания моей ежедневной реальности и стали тихим убежищем, тайным королевством.

Светлые стены украшали редкие нежные цветочки, едва заметные, будто нарисованные лёгким прикосновением кисти. Большое окно, почти витражное, плавно перетекающее в дверь,

ведущую на длинный балкон, похожий на коридор, на котором я тёплыми вечерами даже могла кататься на роликах, набирая небольшую скорость.

Розовые тюли, невероятно красивые, ярко-розовые, на окне, мягко рассеивали солнечные лучи, наполняяющие комнату тёплым светом. А под потолком, на тюлях россыпь из мелких бантиков, тоже розовых. Много, нежных, красивых. Они были как флажки в честь праздника детства.

И диванчик... У меня был розовый диванчик. Можно ли себе такое представить? В 90-е, тяжелые годы, в простой интеллигентной семье — и вдруг такая детская радость, всплеск цвета, словно кусочек радуги, спрятанный в обычной городской квартире. Он стоял у стены, напротив моей кровати, приглашая присесть, укрыться пледом и погрузиться в мечты.

За окном, на балконе, в укромном закутке стоял огромный массивный сундук начала двадцатого века. Он казался для меня древним хранителем времени. На его поверхности громоздились горы книг и записей — наследие бабушки, от которой маме досталась эта квартира. Бабушка наша была научным сотрудником, энтомологом, и ее вещи продолжали жить здесь, рассказывая мне свои истории.

Вечерами я любила перелистывать сохранившиеся сборники И.В.Мичурина. Гладкие плотные страницы шелестели под пальцами, а я с замиранием сердца разглядывала яркие иллюстрации яблок, будто портреты знатных особ, читая названия сортов под ними.

А еще бабочки, небольшие коробочки с засушенными бабочками за стеклом — энтомологические коллекции. Сейчас такие можно увидеть разве что в музее, но в моей юности они были у нас дома. Я осторожно открывала стеклянные крышечки коробок и нежно гладила пальчиком бархатные крылышки — удивительные, хрупкие, словно сотканые из утренней росы и солнечного света.

И в этом во всем прошлое переплеталось с настоящим в невероятном гармоничном танце. Старинный сундук и бабушкины коллекции напоминали мне о корнях, о кропотливом труде, о науке, которая из поколения в поколение присутствовала в нашей семье. А розовый диванчик с бантиками на шторах — о моих мечтах, свободе и невероятно счастливым детстве, которое хотелось сохранить в памяти, как можно дольше.

И вот мне 15 лет. Мы с мамой отчаянно пытаемся найти точки соприкосновения о моём будущем. Разговоры крутятся по одному и тому же кругу. Аргументы, возражения, долгие паузы, полные невысказанных мыслей. Каждый наш диалог превращается в попытку проложить мост через бурную реку, где течение — это наши разные взгляды, а опоры, которые изредка встречаются — робкая надежда на взаимопонимание.

В один из вечеров, когда за окном догорал закат, окрашивая небо в персиковые тона, а дома пахло привычными свежее испечёнными печеньями, мы, наконец нашли эту точку соприкосновения. Тишина, которая, вдруг повисла между нами, будто сама подтолкнула к решению.

— Тогда я уеду учиться в Россию, — сказала я в сердцах, почти шепотом, но с отчаянной внутренней решимостью, в которую сама с трудом верила.

Мама, посмотрела на меня пристально, сквозь опущенные на кончик носа очки, будто заново изучая черты моего лица, уже не детского, но еще и не взрослого и в её глазах промелькнули десятки эмоций — тревога, сомнение, гордость, принятие...

— Тогда езжай учиться в Россию, — тихо ответила она, но твёрдо, с ноткой благословения и молчаливого обещания быть рядом, даже на расстоянии.

Вскоре был найден русский культурный центр. Очень уютный офис с теплыми деревянными панелями на стенах и книжными полками, доверху заполненными книгами. Там работал преподавательский состав, помогающий подросткам-абитуриентам изучать в ускоренном

режиме необходимую часть российской школьной программы для поступления в вузы в рамках двухгодичного курса.

Я была благополучно записана.

Занятия проходили три раза в неделю по три часа каждый, отнимали очень много сил и энергии, но для меня они оказались неожиданным глотком свежего воздуха.

Занимались мы в маленьком стареньком одноэтажном здании, с небрежно отреставрированным фасадом в виде дешёвой цементной штукатурки покрытой толстым слоем побелки. Внутри скрипучие половицы и местами потерянные куски толстого линолеума. Окна с мутноватыми стёклами, пропускали мягкий дневной свет, несмотря на давно не протираемый слой пыли. И во всем этом царил удивительная, теплая, особая атмосфера — запах старых книг, гул увлеченных голосов, добрые перешёптывания и мягкий смех.

Среди преподавателей особенно выделялся учитель истории России — мужчина достойного возраста, с лёгкой сединой на висках и пушистыми, небрежно подстриженными усами. Он вёл занятия с таким неподдельным интересом, что постепенно влюблял в свой предмет даже тех, кто поначалу считал историю скучной чередой дат и событий.

Наверное, он чем-то напоминал мне папу. Такая же добрая улыбка с красивыми морщинками в уголках глаз. Мягкий спокойный голос. И полное принятие нас, шумных и неуклюжих подростков, без замечаний и упреков. Он старался к каждому найти свой подход. Кому-то доставались от него дополнительные материалы о заинтересовавших исторических личностях, кому-то предлагал подготовить доклад на тему, которая по-настоящему увлекала. У него всё получалось успешно и постепенно класс, который в первые дни рассеяно листал учебники, начинал спорить, обсуждать, задавать вопросы и даже оставаться с ним после занятий, чтобы поговорить еще немного.

Погрузившись в эту атмосферу, я почувствовала, что у меня вновь появилась цель, внутри аккуратно загорался маленький огонёк, который давно потух. Я окунулась в чтение и изучение предметов, которые оказались для меня невероятно интересными.

И именно тогда, когда всё начало складываться, я впервые столкнулась с ситуацией, которая показала мне, что не всегда обстоятельства, в которые вкладываешься в полную силу, зависят от этих вложений. Возникают ситуации, на которые ты не можешь повлиять.

Спустя пару месяцев занятий мне перестали оплачивать обучение, которое было на контрактной основе. Так случилось. По непреодолимой для меня силе.

Все закончилось, не успев начаться. Планы, надежды, первые легкие ощущения стабильности. И вновь только школа, к которой я испытывала крайнее безразличие. Будто невидимая рука стёрла с карты все дороги, которые, я так аккуратно старалась изредка вырисовывать своим маленьким, плохо заточенным карандашиком, снова оставляя только одну, которая вела обратно, в привычные серые коридоры, где не было настоящей дружбы, и мало кто о чём-то мечтал.

И вот, год спустя. Одиннадцатый класс. Ситуация повторяется. Мама вновь меня определяет на подготовительные курсы, те же самые. Будто сама судьба мягко, но настойчиво подталкивает в спину на путь, который уже давно кем-то предопределён.

На этот раз уже все иначе. Нет привычного старенького одноэтажного здания. А у меня нет внутри того огонька, который горел год назад.

Занятия будут проходить вдали от дома. В небольшом здании, незнакомой для меня школы. И я тогда еще совсем не буду знать, что это место впоследствии окажется для меня таким особенным.

Школа эта будет располагаться вплотную со зданием факультета Архитектурного института, в котором преподавал занятия мой папа, отношения с которым, мама, годами

так старательно, по непонятным мне тогда причинам, пыталась испортить. Будто разрушала мост, который и так давно уже стал ветхим.

История одной встречи

В широкой школьной аудитории было душно и шумно — голоса, скрежет отодвигаемых массивных стульев с металлическими тяжёлыми ножками, обрывки смешков и перешёптываний сливались в единый, осязаемый давящий шум. Воздух казался тяжёлым, пропитанным усталостью дня и запахом пота подростков, собравшихся в этой аудитории после школьных уроков на предмет изучения истории России для вступительных экзаменов.

За большими массивными шторами, висевшими на окнах виднелось, как предательски садится солнце за горизонт, поглощая и без того пасмурную осеннюю атмосферу во мглу.

Я уже ни во что не верила.

Мне хотелось выйти из аудитории и бесшумно, как привидение раствориться во мраке тихого незнакомого школьного коридора...

Мою отстраненность от происходящего вокруг прервал строгий и уверенный в своей значимости голос преподавательницы, обращённый в эту бездну неразборчивых переговоров между собой сидящих за партами подростков.

— Может, мы наконец-таки начнём? — спросила она в воздух, будто мы были как-то причастны к её ожиданию начала лекции...

Тем не менее, гул голосов потихоньку утих, и она, выпрямившись во весь свой небольшой рост, строго развернула к аудитории тоненькие плечи, держа в руках большую книгу в потрепанном кожаном переплёте. Её пальцы бесшумно прошлись по странице, движением, очень похожим на ритуал, перед предстоящим испытанием.

Попытавшись начать лекцию, она заглянула в книгу, затем окинула вопросительным взглядом слушателей и сделала попытку произнести первое предложение, слегка открыв рот. Но попытка не удалась, в эту минуту дверь в аудиторию распахнулась с таким шумом, будто её вышибли снаружи ногой, и ударилась о стену с такой силой, что если бы стена не была кирпичной, она бы рухнула в ту же минуту.

Все сидящие в аудитории мгновенно обернули головы в сторону происходящего. Кто-то замер с открытым ртом, кто-то уронил неожиданно ручку, которая с противным стуком покатила по полу. В воздухе повисло ожидание.

Преподавательница, едва заметно вздохнув, лениво отвела взгляд от книги, будто для нее подобное было уже в порядке вещей.

В школьный класс быстрым шагом вошли двое парней. Проходя мимо строгой женщины, один из них, вошедший первым, бросил ей небрежно фразу:

— Можно войти? — попутно оглядывая класс в поисках свободной парты.

В ответ на этот вопрос тонкие губы женщины шевельнулись, и она тихо произнесла с лёгким раздражением в голосе:

— Династия Рюриковичей, записываем...

Я сидела за первой партой в первом ряду, всего в паре шагов от двери, которая распахнулась с этим оглушительным грохотом. Я даже не вздрогнула, а напротив, возникло ощущение, будто я наблюдаю за происходящим со стороны, словно сквозь толстое прозрачное стекло. Звуки доносились приглушённо, движения казались замедленными. И в этой тишине, внутри меня отчётливо прозвучала мысль, которая, к моему собственному удивлению, не поразила своей неожиданностью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.